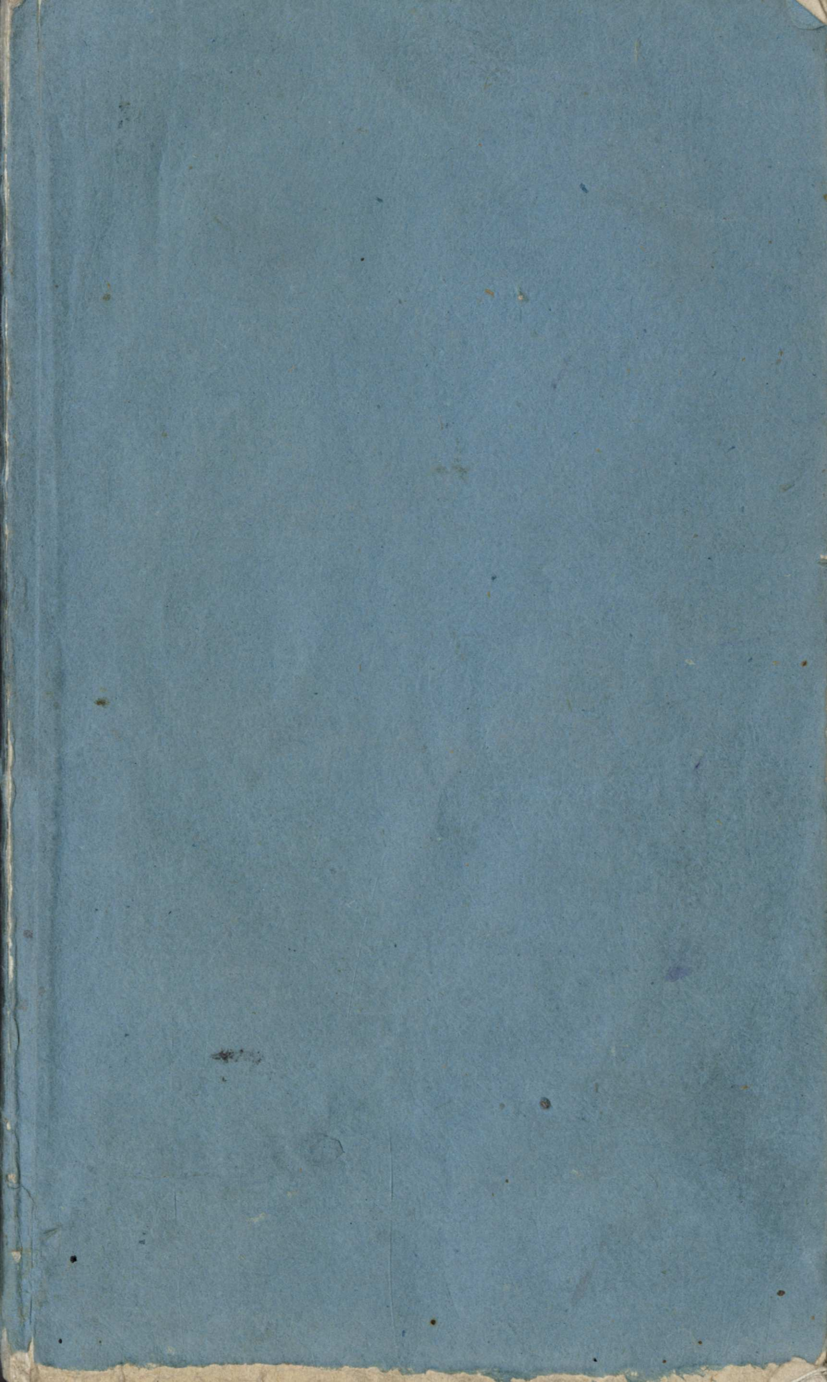

О НАЧАЛѢ И ПОСТЕПЕННОМЪ ПРИРАЩЕНІИ ЯЗЫКА, И ИЗОБРѢТЕНІИ *ПИСЬМА.*

Переводъ съ Французскаго.

МОСКВА.
Въ Губернской Типографіи,
у А. Рѣшетникова.
1799.

Съ дозволенія Московской Ценсуры.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

Дѣйствительному

Статскому Совѣтнику

ИМПЕРАТОРСКАГО

Московскаго Университета

ДИРЕКТОРУ

и

КАВАЛЕРУ,

ИВАНУ ПЕТРОВИЧУ

ТУРГЕНЕВУ,

МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ.

Милостивый Государь!

Чувствуя цѣну Вашихъ о себѣ попеченій, мы осмѣливаемся, въ знакъ искреннѣйшей благодарности, посвятить имени Вашему первый плодъ трудовъ своихъ. Это небольшое, но прекрасное Разсужденіе о началѣ языка и письма, *есть произведеніе извѣстнаго въ ученомъ свѣтѣ Англичанина* Блера, *наиболѣе отличившагося въ кругѣ Изящныхъ наукъ. Упражняясь въ отечественномъ языкѣ, любя его и стараясь пользоваться всѣмъ, что можетъ сдѣлать упражненія наши успѣшнѣе, мы читали съ отмѣннымъ удовольствіемъ сіе сочиненіе* Г. Блера, *и для Любителей отечественной словесности перевели его въ Рускомъ классѣ, подъ*

руководствомъ своего Учителя. На нашемъ языкѣ нѣтъ еще, кажется, ничего подобнаго. Щастливы будемъ, естьли мы, дѣти, умножимъ хотя однимъ зерномъ познанія любезныхъ своихъ Соотечественниковъ, и естьли слабый трудъ нашъ удостоится благосклоннаго Вашего вниманія.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

ВАШЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА

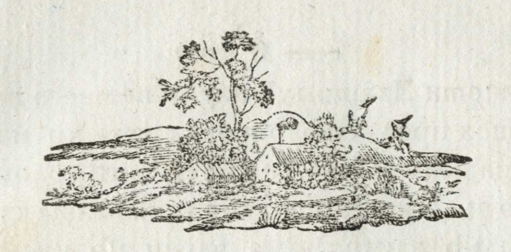
преданнѣйшіе слуги,

Восп. Унив. Благ. Пансіона

Кн. Григорій Гагаринъ

и

Петръ Лихачевъ.

О НАЧАЛѢ И ПОСТЕПЕННОМЪ ПРИРАЩЕНІИ ЯЗЫКА, И ИЗОБРѢТЕНІИ ПИСЬМА (*).

§. I.

Изслѣдованіе о началѣ и постепенномъ приращеніи языка и письма заслуживаетъ особливое наше вниманіе. Въ

А

(*) Много есть сочиненій о семъ предметѣ; знатнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: La dissertation d'Adam Smith sur la formation des langues. —— Traité sur l'origine et les progrès du langage. —— Essai philosophique sur le langage et sur la Grammaire universelle. —— Essai sur l'origine des connoissances humaines, par l'abbé de Condil-

области Изящныхъ наукъ не много найдется предметовъ толь важныхъ и занимательныхъ. „Безъ сугубаго условія, „по силѣ коего понятія привязаны стали къ звукамъ, а звуки къ письме„намъ — говоритъ Философъ Дидеротъ — все осталось бы погребено „въ человѣкѣ, и въ немъ бы погасло (*). „ — Такъ: языкъ есть эхо нашихъ идей, изображеніе души нашей, есть орудіе всѣхъ нашихъ познаній, и то главное основаніе, на коемъ утверждается все могущество и сила Краснорѣчія. —А искусство пись-

---

lac. — Principes de grammaire, par du Marſais. — Grammaire générale et raiſonnée. — Traité de la formation canique des langages, par le préſident des Beoſſas. — Diſcours ſur l'inegalité des hommes, par Rouſſeau. — Grammaire générale, par Beauzée. — Principes de la traduction, par Batteux. — Les vrais principes de la langue Françaiſe, par l'abbé Girard.

(*) Sans la double convention, qui attache les idées aux voix et les voix á des caractères — lit le Philoſophe Diderot — tout reſteroit au dedans de l'homme et s'y eteindroit.

ма! — Оно есть волшебный талисманъ, одушевляющій бумагу, распространяющій наши мысли отъ одного края земли до другаго, и повторяющій голосъ нашъ самымъ позднымъ потомкамъ. Ктожъ скажетъ, чтобы розысканіе: *Какъ образовался и происходилъ языкъ, и какъ изобрѣтены письмена*; розысканіе, которому многіе великіе Философы посвятили въ особенности свои размышленія, не было весьма полезно и занимательно для всякаго, кто хочетъ упражняться не въ Литтературѣ только, но вообще въ наукахъ.

§. II.

Языкъ, въ обширномъ смыслѣ сего слова, значитъ изображеніе нашихъ идей посредствомъ извѣстныхъ образованныхъ звуковъ, ſons articulés (*). Подъ сими звуками разумѣются измѣненія, напѣвы, тоны голоса

(*) *Sons Articulés* переведены здѣсь *образованными звуками*. Въ самомъ дѣлѣ, что есть *артикуляція*? Не иное что,

или звуковъ, выходящихъ изъ груди и образуемыхъ помощію рта и всѣхъ частей его, то есть, губъ, зубовъ, языка, неба, и проч. Изъ примѣчаній нашихъ видно будетъ, какъ далеко простирается натуральная связь или сходство, какое могутъ имѣть произносимые звуки съ нашими идеями. Но какъ натуральная, физическая сія связь — какой бы впрочемъ ни держаться системы — можетъ только весьма побочнымъ образомъ дѣйствовать на составленіе языка: то вообще можно почитать отношеніе между словами и идеями произвольнымъ и совершенно условнымъ. Доказательство сему очевидное въ томъ, что разные народы имѣютъ разные язы-

---

какъ тотъ видъ, та форма, естьли позволено такъ сказать, которую *простой звукъ*, выходящій изъ груди и легкаго, получаетъ отъ разныхъ положеній рта и движенія его частей, какъ то, губъ, зубовъ, языка, поднебья, и проч.

Примѣч. Переводчика.

ки, то есть, звуки, различно образуемые, articulés, коими условились они сообщать другъ другу свои мысли.

Сей способъ взаимнаго сообщенія доведенъ теперь до высочайшей степени совершенства. Помощію языка можно безъ труда изображать самыя тонкія движенія души и разума. Всѣ окружающіе насъ предметы имѣютъ свои наименованія, всѣ отношенія и различія сихъ предметовъ означены весьма подробно. Мы выражаемъ невидимыя чувства, отвлеченныя понятія и всѣ идеи, какія только можно было пріобрѣсть помощію науки или воображенія. Языкъ сдѣлался наконецъ орудіемъ утонченнѣйшей роскоши. Ясности для насъ мало: мы требуемъ изящества и украшеній; не довольно для насъ того, чтобы просто узнать мысли другихъ: надобно, чтобъ онѣ представлены намъ были въ самомъ привлекательномъ для нашего воображенія видѣ; — и удовольствовать насъ очень не трудно. Въ такомъ состояніи находится теперь

у насъ языкъ, и за нѣсколько тысячь лѣтъ прежде еще многіе народы пользовались симъ же преимуществомъ. Подружившись посредствомъ привычки съ симъ феноменомъ, мы смотримъ на него безъ удивленія, равно какъ на твердь небесную и на прочіе великіе предметы натуры, съ коими зрѣніе наше познакомилось.

Но естьли обратить взоръ на первые опыты, на первыя усилія людей въ составленіи языка; естьли размыслить, какъ бѣдны были начальныя ихъ въ семъ открытія, какъ медлѣнны успѣхи, а сверьхъ того, коль великія и многочисленныя должно имъ было непремѣнно встрѣтить препятствія: то совершенство, котораго достигнулъ языкъ, конечно приведетъ насъ въ изумленіе. Мы удивляемся нѣкоторымъ изобрѣтеніямъ искусства; гордимся нѣкоторыми новѣйшими открытіями, поспѣшествующими распространенію наукъ и выгодностей жизни, и почитаемъ ихъ за крайнюю степень утонченности чело-

вѣческаго разума, *nec plus ultra* : но изобрѣтеніе языка есть безъ сомнѣнія удивительнѣйшее; и по видимому мы обязаны имъ вѣкамъ, покрытымъ глубочайшею тьмою невѣжества; предполагая, что его можно почесть изобрѣтеніемъ человѣческимъ.

§. III.

Разсмотримъ, въ какомъ состояніи находился родъ человѣческій въ то время, когда вѣроятно положено первое основаніе языку. —— Люди были разсѣяны и вели жизнь кочевую. Естьли существовали общества, то они ограничивались тѣснымъ только кругомъ сѣмействъ; и то у народовъ *ловчихъ* и *пастырей*, то есть, у народовъ, промышлявшихъ охотою и скотоводствомъ. Поелику необходимостію принуждаемы они были безпрестанно разлучаться другъ съ другомъ: то слѣдуетъ непремѣнно заключить, что сѣмейственное общество было весьма несовершенно. Какъ же могли они согласиться ввести об-

щіе звуки или слова для взаимнаго сообщенія своихъ мыслей? — Положимъ, что небольшое число сихъ дикихъ, соединенныхъ нуждою или случаемъ условились принять нѣкоторые звуки или знаки; но спрашивается, какая власть могла ввести сіи знаки къ другимъ сѣмействамъ или поколѣніямъ, одержать тамъ верьхъ, и достигнуть наконецъ до того, чтобы составить языкъ? — Кажется, что для утвержденія и распространенія языка надобно было сперьва, чтобы люди соединились въ великомъ множествѣ, и чтобы они достигли уже извѣстной степени гражданственнаго совершенства. Но съ другой стороны кажется также, что языкъ необходимо нуженъ былъ къ составленію общества: ибо какъ бы множество людей могло утвердиться въ одномъ мѣстѣ и содѣйствовать общей пользѣ, естьлибъ они не были въ состояніи изъяснить другъ другу своихъ нуждъ и своихъ намѣреній? Слѣдовательно равно трудно, кажется, изъяснить, какъ общество могло составиться прежде языка;

или какъ прежде составленія общества, слова могли произвесть языкъ. Естьлижъ разсмотрѣть еще удивительное сходство всѣхъ почти языковъ; то затрудненія представятся въ толь великомъ множествѣ, что не безъ причины можно приписать образованіе языка Божескому наставленію или вдохновенію.

Положивъ однако, что нѣкоторая, выше нежели человѣческая сила имѣла вліяніе на составленіе языка, не льзя еще думать, чтобы она вдругъ сообщила людямъ полную и совершенную его систему. Гораздо вѣроятнѣе, что Богъ сперва научилъ нашихъ Праотцевъ языку столько, сколько нужно имъ было въ тогдашнемъ ихъ положеніи, и что впрочемъ, касательно сего предмета, равно какъ и всѣхъ другихъ, предоставилъ онъ имъ самимъ трудъ распространять его и приводить въ совершенство, по мѣрѣ какъ требовали того ихъ нужды. И такъ первой языкъ долженствовалъ быть весьма ограниченъ, и мы пол-

ную имѣемъ свободу изслѣдовать, какъ и въ какой постепенности *искусство говорить* достигало нынѣшняго своего совершенства. Въ предлагаемомъ мною о семъ предметѣ разсужденiи найдется много такого, что само по себѣ любопытно и весьма полезно, особливо для того, кто хочетъ упражняться въ Краснорѣчiи.

§. IV.

Предположивъ такое время, когда не были изобрѣтены слова, или когда они были еще неизвѣстны, тотчасъ увидимъ, что человѣкъ не могъ тогда сообщать иначе своихъ мыслей другому, какъ посредствомъ исторгаемыхъ страстiю восклицанiй или криковъ, сопровождаемыхъ движенiями, сходствовавшими съ внутреннимъ его расположенiемъ: ибо сiи только знаки для взаимнаго сообщенiя получили люди отъ натуры, и ихъ только всѣ они могутъ разумѣть. Естьли одинъ хотѣлъ воспрепятствовать другому итти въ какое либо мѣсто,

гдѣ онъ самъ прежде испыталъ опасность или страхъ; то онъ не могъ дать ему разумѣть того иначе, какъ посредствомъ криковъ и тѣлодвиженій, означающихъ ужасъ: такъ точно, какъ поступили бы и теперь два человѣка, кои бы встрѣтились на необитаемомъ островѣ, и не говоря однимъ языкомъ, захотѣли бы другъ съ другомъ изъясниться. Восклицанія, извѣстныя у Грамматиковъ подъ именемъ *междометій*, суть натуральныя выраженія живо тронутой страсти; и они безъ сомнѣнія послужили первымъ основаніемъ или началомъ языку.

§. V.

Когда нужда потребовала обширнѣйшаго сообщенія, и когда люди вздумали отличать предметы особыми именами: то спрашивается, какое бы употребили они средство для изобрѣтенія словъ и наименованій? Очень вѣроятно, что сходственнымъ звукомъ словъ старались они выражать натуру предметовъ, кои хотѣлось

имъ означить: почти также, какъ живописецъ употребляетъ зеленую краску, чтобы представить листья или зелень. Когда нужно было дать названіе шероховатому или жесткому предмету; то надлежало употребить сходной звукъ, то есть такой, которой бы заключалъ въ себѣ нѣчто шероховатое, жесткое, грубое. Такимъ только способомъ можно было произвести понятіе о семъ предметѣ въ воображеніи того, кому нужно было сообщить свои мысли.

Предполагать, что изобрѣтеніе словъ и наименованія вещей въ началѣ своемъ были произвольныя, безъ выбору, и не основывались ни на какихъ побужденіяхъ, значило бы предполагать дѣйствіе безъ дѣйствующаго. Всегда должно было имѣть какую нибудь причину, чтобы выбрать преимущественно это слово, это названіе, а не другое; и можно не безъ основанія положить, что люди при первыхъ усиліяхъ въ составленіи языка не могли имѣть натуральнѣйшаго и надежнѣйшаго вождя, какъ же-

ланіе изображать или живописать звуками предметы, кои хотѣли они означить, изображать съ большею или меньшею удачею, смотря потому, сколько можно было то сдѣлать помощію подражательнаго голоса.

Когда надлежало означить предметы относительные къ звуку, шуму, или движенію, то не трудно было найти слова для изображенія ихъ посредствомъ подражанія. Стоило только дать голосу тонъ или напѣвъ, сообразный тому звуку, шуму, или треску, какой внѣшній предметъ по натурѣ своей обыкновенно производилъ, и такимъ образомъ составить его названіе. Потому-то во всѣхъ языкахъ находимъ мы великое множество словъ, коихъ строеніе основано на семъ началѣ (principe): на примѣръ, имя птицы, называемой *кукушкою* въ сходственность ея крику, *шипѣніе* змѣй, *свистъ* вѣтровъ, *трескъ* оружій, и проч. (*).

(*) Россійской языкъ преимущественно изобилуетъ такого рода подражатель-

Въ именованіи тѣхъ предметовъ, кои, не относясь ни къ звуку, ни къ движенію, дѣйствуютъ только на одно зрѣніе, рѣдко можно найти сіе сходст-

---

ными словами. Будучи употреблены кстати, искусно, они производятъ весьма сильное дѣйствіе, особливо въ піитическихъ описаніяхъ и картинахъ, которыми лучшіе наши Стихотворцы очень не бѣдны. Что можетъ быть выразительнѣе и живописнѣе сихъ стиховъ Г. *Державина*, въ которыхъ онъ описываетъ мечты сѣдинами и почтеніемъ вѣнчаннаго Героя, склонившагося главою

На утлый пень, который свисъ
Съ утеса горъ на яры воды,

и уснувшаго подъ шумомъ пустыннаго водопада? Онъ спитъ, и въ сонномъ мечтаніи

Внимаетъ завыванье псовъ,
Ревъ вѣтровъ, скрыпъ деревъ дебелыхъ,
Стенанье филиновъ и совъ,
И вѣщихъ гласъ вездѣ животныхъ.
И тихій шорохъ вкругъ безплотныхъ.

во, а еще рѣже въ словахъ, означающихъ нравственныя, отвлеченныя идеи. Однако многіе ученые утверждаютъ, что хотя оно не столько въ нихъ ощутительно, но все есть; и что, восходя къ корню словъ, можно будетъ во всѣхъ языкахъ найти нѣко-

---

И немного ниже:

Грохочетъ эхо по лѣсамъ,

Какъ громъ, гремящій по горамъ.

Не есть ли это картина для слуха? Не очаровываетъ ли она воображенія, и не погружаетъ ли насъ невольнымъ образомъ въ забытіе? Не кажется ли намъ, что мы перенесены въ дикую, отдаленную пустыню, гдѣ завываютъ псы, ревутъ вѣтры, скрыпятъ дебелыя древа, поражаемыя ихъ усиліемъ; гдѣ стонутъ совы и филины, и гдѣ эхо, раздробляемое отраженіемъ отъ безчисленныхъ предметовъ, катается отъ края въ край, и грохочетъ подобно грому, гремящему по горамъ? — Языкъ нашъ преизбыточествуетъ драгоцѣннѣйшими сокровищами: для чего не многіе умѣютъ ими пользоваться!

Примѣч. Переводчика.

торую сообразность между названіями и вещами, посредствомъ ихъ означаемыми. Что касается до идей нравственныхъ и духовныхъ, то они примѣчаютъ, что всѣ слова, кои служатъ къ изображенію ихъ, вообще происходятъ отъ названій предметовъ чувственныхъ, въ коихъ примѣчается нѣкоторое сходство или сродство съ первыми; относительножъ къ предметамъ, подверженнымъ одному зрѣнію, они увѣряютъ, что ихъ именованія, во многихъ языкахъ, составлены изъ звуковъ, выражающихъ отличительныя ихъ свойства; такъ на примѣръ: *жидкость*, *твердость*, *выпуклость*, *мягкость*, *жесткость*, изображаются, по мнѣнію ихъ, звукомъ нѣкоторыхъ буквъ или слоговъ, имѣющихъ сообразность съ сими чувственными предметами; изображаются, говорю, столько, сколько органъ голоса посредствомъ подражанія можетъ представить внѣшнія или отличительныя ихъ свойства. Защитники такого мнѣнія утверждаютъ, что сей натуральной меха-

низмъ послужилъ первымъ основанiемъ всѣмъ языкамъ, и что отсюда проистекла большая часть словъ, въ нихъ находящихся (*).

(*) Vid. Plat. in Cratylo. — Nomina verbaque non posita fortuito, sed quadam vi et naturæ facta esse, P. Nigidius in grammaticis commentariis docet, rem sané in Philosophiæ dissertationibus celerbem. In eam rem multa argumenta dicit, cur videri possint verba esse naturalia, magis quam arbitraria; *vos*, inquit, cum dicimus, motu quodam oris conveniente cum ipsius verbi demonstratione utimur, et labias sensim primores emovemus, ac spiritum atque animam porro versum, et ad eos, quibus consermocinamur, intendimus. Aut contra cum dicimus *nos*, neque profuso intentoque flatu vocis, neque projectis labiis pronunciamus; sed et spiritum et labias quasi intrá nosmetipsos coërcemus. Hoc sit idem et in eo quod dicimus: *tu*, et *ego*, et *mihi*, et *tibi*. Nam sicuti cum adnuimus, et abnuimus, motus quidem ille, vel capitis vel oculorum, á natura rei quam significat, non abhorret; itá in his vocibus quasi gestus quidam oris et spiritus naturalis est. Eadem ratio est in Graecis quoque vocibus, quam esse in nostris animadvertimus.

A. Gellius, Noct. Atticæ, lib. X. cap. 4.

Допустивъ справедливость сей системы, слѣдовало бы заключить, что первое строеніе или составленіе языковъ было непроизвольное. Древніе Философы долго спорили, желая рѣшить: *Utrum nomina rerum sint natura aut impositione?* Слова были ли просто только знаки условные, необязанные происхожденіемъ своимъ ничему больше, какъ произволу изобрѣтателей? или въ самой натурѣ было какое нибудь основаніе, утверждаясь на коемъ, можно изъяснить, почему введены въ языкъ преимущественно сіи, а не другія слова для означенія извѣстныхъ предметовъ? Философы Платонической секты держались больше послѣдняго изъ сихъ двухъ мнѣній.

Какъ бы то ни было, но мнѣніе, что между словами и предметами есть натуральная связь, сходство; мнѣніе, говорю, такое развѣ можетъ быть истинно въ отношеніи только къ начальному образованію языка. Хотя и теперь еще примѣтны нѣкоторые слѣды сего сходства во всѣхъ

языкахъ; но тщетно было бы стараться истолковать посредствомъ его строеніе языковъ новѣйшихъ. По мѣрѣ того, какъ число словъ у-, величивается въ какомъ нибудь нарѣчіи, вводятъ въ него множество производныхъ и произвольносложныхъ, кои, безпрестанно болѣе и болѣе отдаляясь отъ начальнаго своего корня нечувствительно наконецъ теряютъ и малѣйшую сходственность или сродство звуковъ съ вещами, посредствомъ ихъ изображаемыми. Въ такомъ состояніи находятся теперь языки. Вообще можно почитать слова, нами теперь употребляемыя, знаками, а не подражательными образами; знаками идей произвольными или условными, а не такими, кои бы основаны были на натурѣ. Но то кажется неоспоримо, что чѣмъ болѣе будемъ мы приближаться къ младенчеству языка, тѣмъ болѣе будемъ находить натуральныхъ выраженій. Какъ начальное строеніе его не могло основано быть ни на чемъ иномъ, кромѣ подражанія; то надобно, чтобы онъ

сперва былЪ гораздо ограниченнѣе и бѣднѣе количествомЪ словЪ, но за то гораздо картиннѣе и выразительнѣе звуками, нежели каковЪ онЪ теперь. Слѣдственно можно почитать это *отличительною чертою* первыхЪ временЪ, или начатковЪ языка между дикими народами.

§. VI.

СпособЪ произносить слова или *звуки*, составляетЪ второй отличительной признакЪ младенчествующаго языка. Я показалЪ уже, что междометія или исторгаемыя страстію восклицанія были первымЪ его основаніемЪ. Для взаимнаго сообщенія мыслей своихЪ люди употребляли звуки и тѣлодвиженія, коимЪ научала ихЪ сама природа. КогдажЪ изобрѣли они слова и наименованія вещей; то способЪ изъясняться знаками, не вдругЪ вышелЪ изЪ употребленія: ибо вЪ первоначальныя времена языка словЪ было такЪ мало, что ими не льзя было всего выразить;

потому люди долго употребляли смѣшаннымъ образомъ слова, тѣлодвиженія и восклицанія. И теперь даже, когда кто хочетъ изъясниться на языкѣ, которой не совсѣмъ ему знакомъ; то онъ употребляетъ сіи средства, чтобы дать себя выразумѣть. Сверьхъ того сообразно съ системою, доказывающею, что строеніе начальнаго языка, сколько возможно, основано было на подобіи или сходствѣ звуковъ съ представляемою вещію, люди натурально должны были произносить слова съ большимъ напряженіемъ или силою, до тѣхъ поръ, пока онъ продолжалъ быть нѣкоторымъ родомъ живописи, въ коей звуки служили вмѣсто тѣней и красокъ. И такъ можно принять за истинну, что въ первыя времена, слѣдовавшія за образованіемъ языка, произношеніе *болѣе* смѣшано было *съ тѣлодвиженіями* и *разнообразными наклоненіями голоса*, нежели теперь; въ рѣчи болѣе было дѣйствія; чаще произносили тоны жалобные (larmoyans), или пѣвучіе (chantans).

Сперва по необходимости употребляли сіи средства; но когда умножившiеся число разнообразныхъ реченій и словъ сдѣлало ихъ не столько нужными; когда языки стали обильнѣе: то старинный способъ изъясняться остался у разныхъ народовъ, и изобрѣтенія нужды почитаемы были украшеніями. Народы пылкаго и стремительнаго характера предпочитали образъ выраженія, который болѣе льстилъ ихъ воображенію. Живость ума заставляетъ часто пріобщать дѣйствіе къ рѣчи и перемѣнять напѣвы голоса. Утверждаясь на семъ основаніи, Докторъ *Варбуртонъ* изъясняетъ: почему у Пророковъ Ветхаго Завѣта такъ часто встрѣчается рѣчь въ дѣйствіи; на примѣръ, когда *Іеремія* разбиваетъ глиняной сосудъ передъ народомъ; когда онъ бросаетъ книгу въ Евфратъ, и т. п. Докторъ думаетъ, что сей способъ изъясненія могъ быть очень выразителенъ и весьма естественъ въ тѣ времена, когда люди имѣли обычай во всѣ свои разговоры вмѣшивать

дѣйствіе и тѣлодвиженія (*). При всякомъ случаѣ, когда поколѣнія Сѣверной Америки хотятъ сообщить другъ другу какое нибудь дѣло, касательно общей пользы, изъясняются они посредствомъ нѣкоторыхъ дѣйствій или тѣлодвиженій. Вѣтьви *Вампума*, данныя или принятыя, выражаютъ столь же ясно ихъ мысли, какъ и слова или рѣчи.

(*) Нѣтъ сомнѣнія, что естьлибы посредствомъ видимыхъ дѣйствій можно было выразить всѣ слова или всѣ идеи; то языкъ такой въ нѣкоторыхъ случаяхъ былъ бы предпочтительнѣе словеснаго, и на немъ бы лучше было изъясниться съ многолюднымъ собраніемъ. Вниманіе слушателей или зрителей было бы напряженнѣе и не пропустило бы ничего. Каждое дѣйствіе, не будучи предварено предыдущимъ, такъ какъ слова предваряютъ другъ друга, производило бы живѣйшее и продолжительнѣйшее впечатлѣніе.

Примѣч. Сочинителя.

Что касается до *измѣненій* голоса; то они такъ натуральны, что многимъ народамъ показалось легче выражать разныя идеи, произнося одно и то же слово разными образами, нежели выдумывать разныя слова для всѣхъ идей. Въ примѣръ могутъ послужить особливо Китайцы. Говорятъ, что въ языкѣ ихъ не весьма много словъ; но въ выговорѣ каждаго перемѣняютъ они удареніе или тонъ голоса пятью или шестью разными образами; и оно имѣетъ столько же различныхъ значеній. Это должно придавать ихъ произношенію кодансъ, весьма близко подходящій къ пѣнію; ибо измѣненія голоса, кои во времена младенчествовавшаго языка, были не что иное, какъ нескладные и грубые крики, долженствовали смягчаться по мѣрѣ приближенія его къ совершенству, и нечувствительно образовать родъ музыкальныхъ нотъ, которыя произвели такъ называемую *Просодію* языковъ.

Вниманія при семъ достойно то, что въ языкахъ Греческомъ и Рим-

скомъ всегда удерживаемо было музыкальное произношеніе, смѣшанное съ тѣлодвиженіями. Сіе замѣчаніе необходимо нужно для разумѣнія въ Классическихъ Авторахъ многихъ мѣстъ, имѣющихъ отношеніе къ публичнымъ рѣчамъ и театральнымъ представленіямъ Древнихъ. Разныя обстоятельства показываютъ, что просодія Грековъ и Римлянъ была гораздо полнѣе нашей, или что они употребляли въ произношеніи гораздо сильнѣйшія измѣненія голоса: *мѣра* слоговъ ихъ была опредѣленнѣе, нежели въ нынѣшнихъ языкахъ, и дѣлала болѣе впечатлѣнія на слухъ. Кромѣ мѣры или различной силы слоги сіи всѣ почти означены были *острыми*, *тяжелыми* и *облеченными ударѣніями*, коихъ употребленіе мы совсѣмъ почти оставили. Но намъ извѣстно, что они служили къ показанію, гдѣ Ораторъ долженъ былъ возвысить или понизить голосъ. Теперешнее наше произношеніе показалось бы имъ незначительнымъ и несноснымъ единообразіемъ. Деклама-

ція ихъ Ораторовъ и Актеровъ походила на такъ называемый въ музыкѣ *речитативъ*. Можно было положить ее на ноты и присовокупить аккомпанированье инструментовъ. Многіе ученые приводили сему примѣры: и естьли это было у Римлянъ, что кажется доказано; то не льзя сомнѣваться, чтобъ не было тогожъ и у Грековъ, коихъ языкъ былъ несравненно музыкальнѣе, и кои гораздо больше обращали вниманія на выговоръ и произношеніе въ своихъ спектакляхъ и публичныхъ рѣчахъ. *Аристотель*, въ Поэтикѣ своей, почитаетъ музыку Трагедіи за одну изъ главныхъ и существенныхъ ея частей.

То же должно замѣтить о жестахъ или тѣлодвиженіяхъ; ибо извѣстно, что сильное произношеніе и живыя тѣлодвиженія неразлучны. Всѣ древніе Критики почитали дѣйствіе за необходимое и главное искусство публичнаго Оратора. У Грековъ и Римлянъ дѣйствіе Ораторовъ и Комедіянтовъ или Актеровъ было не-

сравненно сильнѣе и жарче, нежели у насъ. Славный *Росцій* теперь вѣроятно почтенъ бы былъ сумасшедшимъ.

Древніе такую поставляли важность въ тѣлодвиженіяхъ, что, по свидѣтельству нѣкоторыхъ Ученыхъ людей, въ Театрахъ своихъ раздѣляли они иногда одну и ту же ролю двумъ актерамъ; такъ что, по нашимъ теперешнимъ понятіямъ, это должно было составить странное зрѣлище. Одинъ изъ двухъ актеровъ произносилъ слова роли приличнымъ образомъ; а другому надобно было дѣлать движенія, какихъ она требовала. Цицеронъ пишетъ, что онъ имѣлъ съ Росціемъ споръ, состоявшій въ томъ: Комедіянтъ ли или Ораторъ различнѣйшими образами могъ выразить чувство; Ораторъ помощію фразовъ, а Комедіантъ помощію тѣлодвиженій? Въ Театрѣ напослѣдокъ только и были одни тѣлодвиженія; ибо во время царствованія Августа и Тиверія *пантомима* сдѣлалась любимымъ зрѣлищемъ народа. Она трогала, восхищала душу, и извлекала

столько же слезъ, сколько и Трагедія. Римляне такъ наконецъ пристрастились къ пантомимѣ, что надобно было выдавать законы для воспрещенія Сенаторамъ публично обучаться сему искусству.

Хотя въ Ораторскомъ произношеніи и на театрѣ тѣлодвиженія и звуки были гораздо сильнѣе, нежели въ простомъ разговорѣ: однако публичныя рѣчи, какого бы онѣ впрочемъ роду ни были, должны необходимо имѣть нѣкоторое сходство или сообразность съ обыкновенною рѣчью; и публичныя зрѣлища, теперь мною описанныя, никогда бы не могли понравиться народу, коего произношеніе и жесты вообще такъ холодны и незначительны, какъ наши.

Когда Варвары, сіи грубые, флегматическіе народы, поработили Римскую Имперію; то пренебрегли они ударенія, измѣненія голоса, тоны и тѣлодвиженія, сперва введенныя нуждою, и столь долго потомъ сохраненныя въ языкахъ Греческомъ и Римскомъ. По мѣрѣ, какъ Латинской я-

зыкъ смѣшивался съ природнымъ нарѣчіемъ сихъ грубыхъ народовъ, образъ разговорнаго выраженія и произношенія нечувствительно сталъ измѣняться во всей Европѣ. Музыка или кадансъ языка, пышность Ораторской декламаціи и театральное дѣйствіе обращали на себя только весьма слабое вниманіе. Обыкновенный разговоръ и публичныя рѣчи сдѣлались весьма просты, каковы они теперь у насъ, то есть, лишились совершенно очаровательной прелести тѣлодвиженій и сильныхъ измѣненій голоса, составлявшихъ отличительную черту древнихъ народовъ. При возстановленіи наукъ, духъ языковъ такъ измѣнился, народы приняли столь различные обычаи, что трудно стало понимать замѣчанія древнихъ Авторовъ, касательно произношенія и публичныхъ зрѣлищъ. Простой образъ изъясненія Сѣверныхъ народовъ довольно выражаетъ страсти, чтобы тронуть того, кто незнакомъ съ большею стремительностію или пылкостію; но разнообразнѣйшія измѣненія голоса и сильнѣй-

шія движенія, суть натуральные истолкователи живѣйшей чувствительности. Просодія нынѣшнихъ языковъ подходитъ болѣе или менѣе къ музыкѣ, смотря по пылкости характера тѣхъ, кои ихъ употребляютъ. Когда говоритъ Французъ, онъ перемѣняетъ голосъ свой и тѣлодвиженія болѣе, нежели Англичанинъ, а у Италіянца перемѣна сія еще примѣтнѣе. Музыкальное произношеніе и выразительныя дѣйствія или жесты и понынѣ еще составляютъ отличительной признакъ Италіи.

§. VII.

Отъ произношенія мы перейдемъ къ *слогу*, какой употреблялся въ начальныхъ языкахъ; потомъ разсмотримъ послѣдственно дальнѣйшіе ихъ успѣхи. Поелику люди сперва произносили слова съ напряженіемъ, и къ звукамъ или крикамъ, недостаточно выражавшимъ ихъ мысли, присовокупляли тѣлодвиженія: то надобно непремѣнно, чтобы языкъ ихъ былъ на-

полненъ фигурами и метафорами, весьма неправильными, но очень выразительными.

Естьли слегка только разсматривать сей предметъ; то можно подумать, что образъ выраженія, извѣстный у насъ подъ именемъ *фигуръ*, есть изобрѣтеніе новѣйшее, послѣдовавшее уже во времена цвѣтущаго состоянія языковъ, и что мы тѣмъ обязаны сочинителямъ Риторикъ или Ораторамъ. Но это было бы грубое заблужденіе; ибо люди никогда не употребляли въ рѣчи такого множества фигуръ, какъ въ первобытные вѣки, когда не доставало имъ словъ для изображенія всѣхъ мыслей.

Во первыхъ: по недостатку собственныхъ именъ, изъ коихъ бы каждое означало особой предметъ, они принуждены были употреблять одно и то же названіе для изображенія многихъ вещей; а отсюда необходимо слѣдовали *уподобленія*, *метафоры*, *образа*, и вообще всѣ формы выраженія, кои дѣлаютъ его несобственнымъ или фигуральнымъ. *Во вторыхъ*:

какѣ вещи, о которыхѣ они говорили всего чаще, были окружавшие ихѣ чувственные, видимые предметы: то сіи предметы получили названія свои гораздо прежде, нежели изобрѣтены слова для означенія наклонностей сердца, расположенія души и всѣхѣ вообще нравственныхѣ или философическихѣ идей. Слѣдственно, поелику основа языка вся составлена была изѣ словѣ, означавшихѣ какіе нибудь чувственные предметы; то языкѣ по необходимости сдѣлался весьма метафорическимѣ. Для выраженія желанія, стремленія кѣ чему нибудь, либо другаго какого чувства, не было особыхѣ словѣ, сему единственно свойственныхѣ, и слѣдовательно надобно было выражать внутреннее движеніе или страсть помощію уподобленій или примѣненія кѣ видимымѣ предметамѣ, кои, имѣя сѣ невидимыми нѣкоторое сходство, аналогію, могли сообщить обѣ нихѣ понятіе тому, сѣ кѣмѣ надобно было изѣясниться.

Но и кромѣ нужды, другія еще обстоятельства пособствовали происхожденію фигуральнаго и переноснаго слога въ первыя времена языковъ. Въ начинающихся только гражданскихъ обществахъ, воображеніе и страсти имѣютъ сильное вліяніе на людей. Будучи разсѣяны, блуждая по разнымъ мѣстамъ, и мало имѣя свѣдѣнія о теченіи вещей въ мірѣ, они встрѣчаютъ ежедневно какой нибудь предметъ, которой кажется имъ страненъ или новъ. Какъ страхъ и удивленіе суть обыкновеннѣйшія ихъ страсти; то онѣ необходимо должны имѣть вліяніе и на ихъ языкъ. Сіи младенчествующіе люди обыкновенно употребляютъ *гиперболы* и *увеличенія*. Они обременяютъ всѣ свои описанія красками, кои гораздо живѣе, и выраженіями, кои несравненно сильнѣе и жарче, нежели у людей, живущихъ въ просвѣщеннѣйшія времена, когда воображеніе правильнѣе, страсти умѣреннѣе, и когда наконецъ опытъ познакомилъ ихъ съ большимъ числомъ предметовъ. Я уже показалъ, какимъ обра-

зомъ первые люди произносили свои слова; и сіе произношеніе не могло не имѣть сильнаго вліянія на ихъ слогъ. Когда рѣчь состоитъ изъ жаркихъ движеній, живыхъ восклицаній и разнообразныхъ измѣненій голоса; то воображеніе имѣетъ болѣе работы, и страсти трогаются сильнѣе. Такое положеніе дѣйствуетъ на слогъ, и дѣлаетъ его гораздо пылче стремительнѣе, страстнѣе.

Сіи разсужденія подтверждаются несомнительными опытами. Примѣчено у всѣхъ народовъ, у коихъ гражданственность, такъ сказать, еще въ младенчествѣ, что ихъ языки наполнены фигурами, гиперболами и надутостію. Дикіе обитатели Америки служатъ неоспоримымъ тому доказательствомъ. У Ирокезцевъ и Иллинеевъ трактаты и всѣ публичныя сдѣлки писаны великолѣпнѣйшимъ слогомъ и наполнены отважнѣйшими метафорами, нежели піитическія наши произведенія (*).

(*) Слѣдующій примѣръ покажетъ намъ, сколь необыкновененъ ихъ слогъ. Вотъ

Не менѣе разительный примѣръ сего находимъ мы въ слогѣ Ветхаго Завѣта, которой вездѣ наполненъ

какъ изъясняются Старѣйшины пяти Канадскихъ народовъ, при заключенiи мирнаго договора съ Англичанами: „Мы радуемся, что погребли въ зем„лѣ багряную сѣкиру, толь многокра„тно упоенную кровiю нашихъ собра„тiй. Мы зарываемъ ее, и насажда„емъ древо мира; насаждаемъ древо, „коего вершина досягнетъ солнца, а „вѣтви распрострутся такъ, что „можно будетъ созерцать ихъ изъ „отдаленныхъ краевъ. Да стоитъ „оно вѣчно, и да ничто не препнетъ „его возвышенiя; да осѣнятъ вѣтви „его вашу страну и нашу. Утвер„димъ корни его незыблемо, и про„стремъ ихъ до отдаленнѣйшихъ ва„шихъ поселенiй. Естьли Французы „восхотятъ поколебать древо; мы „узнаемъ то по движенiю корней, на„шей земли касающихся. Да позво„литъ намъ великiй Духъ безпре„пятственно вкушать миръ и безмя„тежiе на ложахъ нашихъ, и да не-

примѣненіями (d'allusions) къ видимымъ предметамъ. Нечестіе и беззаконіе представляется въ немъ подъ именемъ *ризы, исполненной сквернами*; бѣдствіе изображается дѣйствіемъ *пить чашу горести*; тщетныя предпріятія, дѣйствіемъ *пресмыкаться во прахѣ*, или *насыщаться пепломъ*; порочная жизнь *кривою сте-*

„попуститъ онъ, чтобы мы когда
„либо разверзли землю, извлекли изъ
„нѣдръ ея сѣкиру, и посѣкли древо
„мира. Укрѣпимъ его такъ, да ника-
„кая сила не сокрушитъ его. Да про-
„течетъ у подножїя его быстрый и
„свѣтлый ручей, и да изгладитъ изъ
„памяти нашей минувшїя бѣдствїя.
„Пламень, толь долго пожиравшїй
„Албанїю, погасъ, и слезы изсякли
„изъ очей нашихъ. Нынѣ возобновля-
„емъ мы завѣтъ и цѣпь нашей дру-
„жбы. Да свѣтится и да блеститъ
„она всегда, какъ сребро чистое.
„Потщимся, да не коснется ей ржав-
„чина, и да никто изъ насъ не от-
„торгнетъ отъ нея руки своей; и пр.

Примѣч. Сочинителя.

зею; а благоденственная, *свѣтомъ Господнимъ, сіяющимъ на главѣ.* —— и проч. Слогъ сей мы называемъ вообще *Восточнымъ* слогомъ, какъ будто бы онъ болѣе сроденъ былъ обитателямъ Востока. Но слогъ Американцевъ и другія замѣчанія ясно показываютъ, что онъ не зависитъ ни отъ климата, ни отъ страны; но отъ положенія или отъ времени образованія обществъ и языковъ.

Сіе можетъ нѣсколько объяснить, справедливо ли думаютъ тѣ, кои утверждаютъ, что *Поэзія* родилась прежде *Прозы*. Я буду имѣть случай разобрать эту задачу подробнѣе, когда буду говорить о свойствахъ и началѣ Поэзіи. Здѣсь довольно замѣтить, что, сообразно съ предыдущими нашими изслѣдованіями, слогъ во всѣхъ языкахъ долженствовалъ быть первоначально піитической или сильно напоенной энтузіязмомъ и обремененный метафорическими выраженіями, которыя исключительно принадлежатъ Поэзіи.

По мѣрѣ того, какъ языкъ становился обильнѣе, уклонялся онъ отъ фигуральнаго слога, бывшаго сперва отличительною его чертою. Когда люди изобрѣли названія для всѣхъ предметовъ, вещественныхъ и отвлеченныхъ; то имъ не нужно стало прибѣгать такъ часто къ оговоркамъ и перифразамъ.

Слогъ сдѣлался опредѣленнѣе, и слѣдовательно проще. Надутое произношеніе и жаркія движенія мало-помалу перестали быть употребительны. Воображеніе находило менѣе работы, а разсудокъ получилъ больше. Связи между людьми умножились и распространились, и во всѣхъ ихъ дѣлахъ и отношеніяхъ ясность слога была главнѣйшимъ предметомъ, на которой обращали они свое вниманіе.

Вмѣсто Піитовъ, люди взяли въ учители Философовъ, и написанныя ими разсужденія о разныхъ предметахъ ввели простой слогъ, извѣстный у насъ подъ именемъ *прозы.* Ферецидъ Сциросской, учитель Пиѳаго-

ровъ, былъ, говорятъ, первой, который началъ писать прозою. Напослѣдокъ пiитической языкъ вовсе сталъ неупотребителенъ въ обыкновенной рѣчи и въ общежительныхъ связяхъ. Его предоставили исключительно предметамъ, въ коихъ украшенiя казались приличнѣе.

§. VIII.

Прошедъ исторiю языка, исторiю нѣкоторой части его измѣненiй; разсмотрѣвъ начальное его строенiе, составъ его словъ, способъ, какъ произносили ихъ, и слогъ или общiй отличительный признакъ младенчествующаго языка, остается еще разсмотрѣть его съ другой стороны, т. е. со стороны порядка и разстановки словъ. Мы увидимъ, что въ семъ сдѣлалъ онъ столь же немалые успѣхи, какъ и въ томъ, что доселѣ составляло предметъ нашихъ разсужденiй.

§. IX.

Разсматривая слова въ связи, или разсматривая расположенiе ихъ въ ка-

кой нибудь рѣчи, въ какомъ нибудь предложенiи, заключающемъ въ себѣ извѣстной смыслъ, мы находимъ, и въ семъ отношенiи, весьма ощутительное различiе между нынѣшними и древними языками. — Изслѣдованiе : *въ чемъ состоитъ сiе различiе*, послужитъ намъ надежнымъ руководствомъ къ тому, чтобы лучше вникнуть въ духъ языка и показать съ большею вѣроятностiю причины тѣхъ перемѣнъ, коимъ онъ подвергался, по мѣрѣ какъ люди, соединенные узломъ общежитiя, достигали гражданственнаго совершенства.

Чтобы замѣчанiя наши о семъ предметѣ были успѣшнѣе и въ надлежащемъ порядкѣ, должно обратиться, какъ мы и прежде сдѣлали, къ древнѣйшей эпохѣ языковъ. Представимъ себѣ Дикаго, которой, видя какой нибудь предметъ, на примѣръ плодъ, хочетъ его имѣть, и проситъ другаго подать себѣ. Положимъ сперва, что этотъ дикой не умѣетъ говорить; слѣдственно, чтобы дать себя выразумѣть другому, онъ съ живостiю

укажетъ на желаемой предметъ, а страсть исторгнетъ у него соотвѣтственное восклицаніе или крикъ. Положимъ теперь, что онъ знаетъ употребленіе словъ; натурально, что первое, которое онъ произнесетъ, будетъ названіе желаемаго предмета. Онъ не скажетъ сообразно съ нашимъ теперешнимъ словосочиненіемъ: *подай мнѣ этотъ плодъ*, а употребитъ Латинской оборотъ, и изъяснится такъ: *плодъ этотъ дай мнѣ*, *fructum da mihi*. Причина очевидна: его вниманіе все устремлено на плодъ, котораго онъ желаетъ; это предметъ, исключительно его занимающій и заставляющій говорить; слѣдственно онъ первой и долженъ быть наименованъ. Такимъ расположеніемъ рѣчи переводится буквально на словесной языкъ движеніе, внушенное дикому самою природою, когда ему неизвѣстно еще было употребленіе словъ. А изъ сего слѣдуетъ, что онъ натурально долженъ употребить въ рѣчи своей такой порядокъ, какой мы видѣли въ приведенномъ примѣрѣ.

Привыкши располагать слова иным образомъ, мы называемъ старинный порядокъ *оборотнымъ* (l'inversion). Однакожъ хотя онъ и не самый сообразный съ Логикою, за то самый натуральный; ибо внушенъ воображеніемъ и желаніемъ или страстію, кои всегда побуждаютъ насъ въ *первомъ* мѣстѣ упомянуть о предметѣ, ихъ занимающемъ. Слѣдственно мы можемъ заключить по разуму, *a priori*, что *такъ*, а *не иначе* располагаемы были слова въ рѣчи, прежде нежели языкъ достигъ цвѣтущаго своего состоянія. Доказательство сему находимъ мы въ самыхъ древнѣйшихъ языкахъ, какъ-то въ Греческомъ, Латинскомъ, и, естьли правда, во всѣхъ почти нарѣчіяхъ, употребляемыхъ въ Америкѣ.

Самое употребительнѣйшее расположеніе въ Латинскомъ языкѣ таково, что сперва ставятъ въ рѣчи слово, означающее главный предметъ съ его принадлежностями, а потомъ уже лице или вещь, дѣйствующую на этотъ предметъ. Такимъ обра-

зомъ *Саллюстій* въ сравненіи тѣла съ душею говоритъ: *Animi imperio, corporis servitio magis utimur.* Такой порядокъ дѣлаетъ мысль ощутительно живѣе и разительнѣе, нежели какова бы она была, естьлибъ ее выразить сообразно съ теперешнимъ нашимъ словосочиненіемъ, на примѣръ такъ: *Nous nous servons plus du commandement de l'esprit et du service du corps:* — *Намъ большою частію нужна бываетъ власть разума и покорность тѣла* (*). — Латинской порядокъ лучше отвѣт-

(*) Впрочемъ по-Руски лучше бы, кажется, сказать: *Разумъ болѣе повелѣваетъ, тѣло исполняетъ.* Но спрашивается, все ли это равно? Едва ли: тутъ мысль Саллюстіева была бы выражена не со всѣми своими оттѣнками; идея *utimur* была бы потеряна. Самой Французъ могъ бы дать такой оборотъ своему переводу: *L'esprit plus commande, le corps plus obeit.* Но это былъ бы Французъ, а не Саллюстій. Не смотря однакожъ на это, можно вообще замѣтить, что Руской языкъ, въ разсужденіи разстановокъ или располо-

ствуетъ пылкости воображенія, которое натурально сперва стремится къ главному своему предмету, и наименовавъ его, не выпускаетъ изъ виду во все продолженіе рѣчи. То же можно замѣтить и о слѣдующемъ примѣрѣ, взятомъ изъ *Горація*:

* „Iuſtum et tenacem propoſiti virum
„Non civium ardor, prava jubentium,
„Non vultus inſtantis Tyranni
„Mente quatit ſolida.„ —— То есть:

„Праведнаго и твердаго въ начинаніяхъ своихъ мужа, ни бѣшенство граждан, беззаконная повелѣвающихъ, ни грозное лице „Тиранна, не поколеблетъ въ постоянствѣ.„

Кто имѣетъ вкусъ, тотъ не можетъ не чувствовать, что такое расположеніе словъ лучше, нежели какого бы требовало, на примѣръ,

---

женія словъ въ рѣчи, болѣе имѣетъ сходства съ древними языками, нежели всѣ новѣйшіе.

Примѣч. Переводч.

Французское словосочиненіе, лучше, говорю, отвѣчаетъ мѣсту, занимаемому въ воображеніи различными предметами. Слова: *Iustum et tenacem propositi virum*, составляющія главный предметъ рѣчи, должны бы во Французскомъ необходимо поставлены быть на концѣ.

Я сказалъ, что въ языкахъ Греческомъ и Латинскомъ самое употребительнѣйшее расположеніе рѣчи таково, что сперва ставятъ предметъ, которымъ воображеніе говорящаго болѣе занято; однакожъ это не значитъ, чтобы тутъ не было никакого исключенія. Стройность періода иногда можетъ потребовать и другаго порядка; а въ языкахъ, каковъ Греческой и Латинской, которымъ толь свойственны были ударенія, мѣра и разнообразныя измѣненія голоса, стройность періода составляла науку, которою весьма тщательно занимались. Иногда также, чтобъ соблюсти ясность или силу, или чтобы не вдругъ кончить смыслъ и искуснымъ образомъ возбудить въ

слушателяхъ недоумѣніе, ожиданіе, надобно было употребить совсѣмъ новой порядокъ словъ; а изъ сего происходили столь частыя и разнообразныя перемѣны въ рѣчи, что для нихъ общаго правила предписать не льзя. То только можно сказать, что духъ и свойство древнихъ языковъ позволяло величайшую свободу въ разсужденіи разстановки словъ; и Ораторъ могъ располагать ихъ въ такомъ порядкѣ, какой болѣе льстилъ его воображенію. Однакожъ Еврейской языкъ исключается. Хотя онъ и терпитъ иногда оборотныя разстановки въ рѣчи (des inverſions), но очень рѣдко; и его словосочиненіе болѣе имѣетъ сходства съ нашимъ, нежели съ Греческимъ и Латинскимъ.

Во всѣхъ нынѣшнихъ Европейскихъ языкахъ расположеніе рѣчи не такое, какое употребительно было въ древнихъ. Особливо проза наша не терпитъ смѣлыхъ разстановокъ въ словахъ, и не много позволяетъ намъ разнообразія. Мы вообще слѣдуемъ

одному порядку, которой можно назвать порядкомъ *здраваго смысла.* Сперва ставимъ мы въ рѣчи говорящее или дѣйствующее лице либо вещь, потомъ его дѣйствie, а наконецъ предметъ сего дѣйствiя; такъ, что идеи слѣдуютъ одна за другою не по степени важности, какую предметы имѣютъ въ воображенiи, но по порядку времени и натуры.

Англинской или Французской писатель, чтобы похвалить знатную особу, сказалъ бы: „Il m'eſt impoſ„ſible de paſſer ſous ſilence la dou„ceur, la clémence et la modéra„tion, qui accompagnent toutes vos „actions dans l'exercice du pouvoir „ſuprême.„ — То есть: „Я не могу „прейти въ молчанiи кротости, ми„лосердiя и снисходительности, со„провождающей всѣ твои дѣла въ „прехожденiи возложеннаго на тебя „высокаго званiя.„ — Тутъ сперва представляется говорящее лице: *я не могу*; послѣ дѣйствie: *не могу прейти въ молчанiи*; а потомъ уже

предметЪ дѣйствія, то есть: *кротости, милосердія и снисходительности того*, кого хвалимЪ. ЦицеронЪ, изЪ котораго взято и переведено это мѣсто, слѣдуетЪ совсѣмЪ противному порядку. ОнЪ сперва представляетЪ предметЪ, производящій мысль вЪ ОраторѢ; а потомЪ самаго Оратора и его дѣйствіе. — „Tantam „manſuetudinem inuſitatam inaudi-„tamque clementiam, tantum que in „ſumma poteſtate rerum omnium mo-„dum, tacitus nullo modo praeterire „poſſum.„ — Orat. pro Marcello. —

Латинской порядокЪ гораздо живѣе, нашЪ яснѣе и понятнѣе. Римляне располагали свои слова, слѣдуя порядку, вЪ какомЪ идеи представляются воображенію; а мы располагаемЪ свои такЪ, какЪ велитЪ разсудокЪ, когда надобно представить ихЪ вЪ связи воображенію другихЪ. Можно сказать, что наше словосочиненіе есть плодЪ усовершенствованнаго искусства говорить: предметЪ рѣчи тотЪ, чтобы ясно сообщить другому свои мысли.

Въ Поэзіи, гдѣ слогъ долженъ быть выше обыкновеннаго, и гдѣ надобно говорить языкомъ воображенія и страсти, свобода въ разсужденіи расположенія словъ не такъ ограничена; разстановки и смѣлые обороты позволительны: но сія піитическая вольность въ сравненіи съ тою, какая позволена была въ языкахъ древнихъ, заключается весьма въ тѣсныхъ предѣлахъ. Новѣйшіе языки не въ одинакой степени пользуются сею вольностію: въ иномъ ея больше, въ другомъ меньше. Французской, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ, позволяетъ менѣе разстановокъ, нежели всякой другой; Англинской терпитъ больше, а Италіянской еще больше; онъ болѣе всѣхъ новѣйшихъ языковъ (*) сохранилъ древнее упо-

(*) Это говоритъ Авторъ, незнающій по-Руски; а мы сказали въ предыдущемъ примѣчаніи, что нашъ языкъ болѣе всѣхъ новѣйшихъ пользуется этимъ преимуществомъ. Причину у-

требленіе оборотнаго словосочиненія (l'inverſion) ; и потому-то не рѣдко случается, что тѣ изъ Италіянскихъ Авторовъ бываютъ нѣсколько темноваты, кои слишкомъ смѣло пользуются этимъ правомъ.

Здѣсь надобно замѣтить, что въ строеніи всѣхъ новѣйшихъ языковъ (•) есть нѣчто такое, что предписываетъ для всѣхъ почти случаевъ одинъ опредѣленный и непремѣняемый порядокъ словъ. Это *нѣчто* состоитъ въ томъ, что въ нашихъ словахъ нѣтъ перемѣнныхъ окончаній, составляющихъ въ Греческомъ и Латинскомъ языкѣ различные падежи именъ и различныя времена глаголовъ, и показывающихъ отношеніе, какое имѣютъ между собою всѣ слова, хотябы впрочемъ поставлены они были въ рѣчи весьма да-

---

видимъ тотчасъ въ самомъ оригиналѣ. *Примѣч. Переводч.*

(•) Исключая однако Руской.

Примѣч. Переводч.

леко другъ отъ друга. Послѣ, въ другомъ мѣстѣ, буду я имѣть случай говорить пространнѣе о сей перемѣнѣ въ строеніи языковъ, по которой для означенія тѣсной связи, находящейся между двухъ терминовъ одного предложенія, мы часто принуждены бываемъ ставить ихъ непосредственно одно подлѣ другаго. Римляне могли, на примѣръ, изъясниться очень понятно слѣдующимъ образомъ: *Extinctum Nimphae crudeli funere Daphnim flebant*. То есть: *Нимфы оплакивали жестокую смерть Дафниса*.

Такой оборотъ не трудно было имъ разумѣть; потому что слова *extinctum* и *Daphnim* оба въ винительномъ; слѣдовательно видно было, что прилагательное и существительное, хотя то поставлено на одномъ, а это на другомъ концѣ стиха, относились другъ къ другу, и зависѣли отъ глагола *flebant*, котораго *Nimphae* былъ очевидно именительной падежъ. Различіе окончаній приводитъ здѣсь все въ порядокъ, и дѣлаетъ связь словъ

совершенно понятною. Но переведемъ этотъ стихъ буквально на Французской или на Англинской языкъ: *Mort les Nimphes par un cruël trêpas Daphnis pleuroient.* Это будетъ неудобопонятная загадка (*).

(*) На Англинскомъ это еще хуже; потому что въ немъ всѣ глаголы и въ единственномъ и во множественномъ числѣ кончатся одинакимъ образомъ. На Французскомъ, хотя такой оборотъ неправиленъ, все однако понятенъ: *Mort, les Nimphes par un cruel trêpas, Daphnis pleuroient.* — *Mort,* такъ какъ оно написано, не можетъ ни къ чему быть отнесено, кромѣ Дафниса, а *pleuroient* ни къ чему, кромѣ Нимфъ. Слѣдовательно загадка рѣшена. На Англинскомъ же: *Dead the Nymphes by a cruel fate Daphnis lamented;* — *lamented* можно отнести и къ Дафнису и къ Нимфамъ; потому что *оплакивалъ* и *оплакивали* по-Англински все будетъ *lamented.* Единственное и множественное число глаголовъ не имѣетъ различія въ окончаніяхъ; одно и то же слово безо всякой перемѣны выражаетъ какъ то, такъ и другое.

Примѣч. Автора.

Въ древнихъ языкахъ различіе окончаній показывало *управляемое* и *управляющее*; показывало взаимность

Изо всего, сказаннаго до сихъ поръ о разстановкѣ словъ и оборотахъ рѣчи, не слѣдуетъ ли очевидно, что Руской языкъ натурою своею ближе всѣхъ новѣйшихъ языковъ подходитъ къ древнимъ?

Авторъ нашъ изъясняетъ, и очень удовлетворительно, что вольность разбрасывать слова въ древнихъ языкахъ, иногда очень далеко одно отъ другаго, вся основывалась на различіи окончаній, предохранявшемъ отъ сбивчивости и запутанности. Но развѣ Руской языкъ лишенъ этихъ выгодъ? Въ немъ не только имена кончатся разнымъ образомъ въ разныхъ надежахъ, а глаголы въ разныхъ наклоненіяхъ и временахъ; но онъ вообще имѣетъ всѣ почти свойства древнихъ языковъ. Естьлижъ мы не всегда можемъ разбрасывать слова по примѣру Грековъ и Латинцевъ: то причиною тому не языкъ нашъ самъ по себѣ; а то, что мы, какъ и всѣ нынѣшніе

и всѣ отношенія словъ, въ одномъ и томъ же фразѣ находившихся. Это было причиною, что въ нихъ позво-

---

просвѣщенные народы, ищемъ въ рѣчи болѣе ясности, опредѣленности, простоты, и слѣдовательно всегда стараемся располагать слова самымъ понятнѣйшимъ образомъ. Все это однакожъ не мѣшаетъ еще повторить, что Руской языкъ болѣе позволяетъ вольности въ разсужденіи разстановки словъ и смѣлыхъ оборотовъ рѣчи, или, какъ древніе называли, *инверсіи*, нежели какой либо другой изъ новѣйшихъ; потому что всѣ они, не исключая и самаго Италіянскаго, въ окончаніяхъ своихъ словъ слишкомъ единообразны; всѣ потеряли употребленіе падежей, и дополняютъ недостатокъ сей членами. Доказательствомъ сему служатъ выше переведенные стихи Гораціевы: *Iustum et tenacem propositi virum*, и проч., и самой этотъ примѣръ, которой въ переводѣ на Французской и Англинской языкъ дѣлается непостижимою загадкою, на нашемъ совершенно понятенъ: *Погибшаго Нимфы жестокою*

лялась величайшая вольность разбрасывать слова, и распологать ихъ такимъ образомъ , чтобы совершенно удовлетворить воображенію и слуху. Когда Сѣверные народы, поработивъ Римскую Имперію, начали имѣть вліяніе и на языкъ ея; то падежи именъ и различіе окончаній въ глаголахъ тѣмъ скорѣе перестали быть употребительны , что сіи варвары не считали за важное выгодъ, оттуда проистекавшихъ. Они старались только, чтобы не было недостатка въ выраженіяхъ, и чтобы выраженія сіи были понятны и опредѣленны,—ни мало не заботясь о гармоніи звуковъ, и о томъ, чтобы распологать слова свои въ пріятномъ для воображенія порядкѣ. Для нихъ довольно было, естьли они

смертію Дафниса оплакивали. — Разумѣется, что Поэзія наша еще болѣе позволяетъ себѣ вольности въ разстановкахъ , нежели Проза. Примѣровъ приводить не нужно : ими наполнены всѣ наши Стихотворцы.

Примѣч. Переводч.

могли изобразить мысли свои яснымъ и удобопонятнымъ образомъ. Изъ сего слѣдуетъ заключить, что естьли новѣйшіе языки, по причинѣ простоты своего словосочиненія и разстановки словъ, не столько имѣютъ гармоніи, силы и красоты, какъ Греческой и Латинской; то по крайней мѣрѣ они яснѣе и удобопонятнѣе.

§. X.

Здѣсь кончимъ замѣчанія наши о началѣ и происхожденіи языковъ. Я показалъ, каковъ былъ естественный ходъ ихъ относительно ко многимъ важнымъ предметамъ; и сіе познаніе ихъ духа и происходившихъ съ ними послѣдственныхъ перемѣнъ можетъ подать поводъ къ весьма многимъ замѣчаніямъ, сколько полезнымъ, столько и занимательнымъ. Изъ того, что сказано выше въ нашемъ разсужденіи о семъ предметѣ, видно, что языки въ началѣ своемъ были очень бѣдны и состояли изъ весьма немногихъ словъ, но что они были очень значительны своими звуками и словами, и дѣлали изъ нихъ родъ нѣ-

которой живописи ; и что наконецъ произношеніе , состоявшее въ сильныхъ измѣненіяхъ голоса и въ жаркихъ тѣлодвиженіяхъ, дѣлало ихъ еще выразительнѣе. Слогъ былъ несобственной, то есть, фигуральной и піитической; расположеніе словъ живое и странное. Въ послѣдствіи времени, по мѣрѣ того, какъ люди, совокупленные союзомъ общежитія, шли къ своему совершенству, языки измѣнялись, разсудокъ бралъ верьхъ надъ воображеніемъ ; и въ семъ случаѣ было то же, что бываетъ съ человѣкомъ, приходящимъ въ возрастъ. Въ молодости разгоряченное воображеніе имѣетъ надъ нимъ полную и совершенную власть ; но съ теченіемъ лѣтъ оно хладѣетъ, становится покойнѣе, и разсудокъ созрѣваетъ. Объ языкѣ можно сказать то же : отъ скудости переходитъ онъ къ богатству, отъ пылкости къ правильности, отъ пламенныхъ восторговъ энтузіязма къ умѣренности и опредѣленности. Подражательная гармонія, живость движеній и измѣненій голоса, смѣлые о-

бороты, фигуральной слогъ, словомъ, всѣ свойства младенчествующаго языка служили одно другому взаимнымъ пособіемъ, и дѣлали изъ него родъ нѣкоторой картины. Но со временемъ вмѣсто всего того введены звуки произвольные, произношеніе умѣренное, слогъ простой, расположеніе рѣчи самое ясное и удобопонятное. Нынѣшній языкъ сталъ правильнѣе, но онъ не столько выразителенъ, не столько живъ. Прежде благопріятствовалъ онъ болѣе Краснорѣчію и Поэзіи; теперь болѣе приличенъ философіи и разуму.

---

§. XI.

Разсмотрѣвъ происхожденіе языка, разсмотримъ также и происхожденіе письма. Здѣсь замѣчанія наши будутъ кратки. Предметъ сей не требуетъ толь обширнаго изслѣдованія.

Нѣтъ сомнѣнія, что искусство *писать*, послѣ искусства *говорить*, есть самое полезнѣйшее для людей.

Это, собственно сказать, усовершенствованной разговоръ; слѣдовательно изобрѣтеніе его гораздо новѣе. Люди сперва помышляли только о томъ, чтобы сообщать мысли свои изустно, помощію словъ или звуковъ; но такимъ образомъ не могли они говорить другъ съ другомъ иначе, какъ въ присутствіи. Они чувствовали этотъ недостатокъ, и въ послѣдствіи времени, для сообщенія съ отсутствующими, выдумали нѣкоторые знаки или начертанія (caractères), говорящіе, такъ сказать, глазамъ, которые называемъ мы *письмомъ*.

Письменныя начертанія суть двоякаго роду: одни суть *знаки словъ* другіе *знаки вещей*. Живописныя изображенія (les peintures), іероглифы и символы (ſymboles) причисляются къ послѣднему роду, то есть, суть знаки вещей. Начертанія алфавитныя или буквы, употребляемыя теперь во всей Европѣ, суть знаки словъ. Эти два рода письма весьма различествуютъ между собою.

§. XII.

Первый опытъ, сдѣланный въ искусствѣ писать, состоялъ, по всей вѣроятности, въ *живописныхъ изображеніяхъ* (dans les peintures). Склонность къ подражанію такъ свойственна человѣку, что во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, находили какое нибудь средство представлять или изображать подобіе вещественныхъ предметовъ; и люди не умедлили воспользоваться сими средствами для увѣдомленія отсутствующихъ, хотя частію, о томъ, что произошло между ними; или для сохраненія въ памяти приключеній, кои хотѣлось имъ сдѣлать незабвенными. Такимъ образомъ, чтобы представить смертоубійство, изображали человѣка, простертаго на землѣ, а другаго стоящаго подлѣ него и держащаго въ рукахъ орудіе, которымъ можно отнять жизнь. Сей одинъ родъ живописи извѣстенъ былъ въ Мексикѣ, когда открыта Америка. Говорятъ, что посредствомъ такой исторической живописи Мексиканцы сохраняли память знатнѣйшихъ произ-

шествій своего Государства, и передавали ихъ потомству. Однакожъ такія лѣтописи долженствовали быть весьма несовершенны; и можно безошибочно сказать, что народъ, у котораго нѣтъ другихъ, еще погруженъ въ глубокомъ мракѣ невѣжества. Живописныя изображенія (les peintures) могутъ представить происшествія видимыя, но не связи ихъ; ими также не льзя описать свойствъ или принадлежностей, зрѣнію неподверженныхъ, и подать понятія о рѣчахъ и расположеніи людей.

§. XIII.

Чтобы облегчить нѣкоторымъ образомъ сіе затрудненіе, изобрѣли потомъ *гіероглифическія* начертанія (caractères hiéroglyphiques), кои можно почесть вторымъ шагомъ къ искусству писать. Гіероглифы состоятъ въ извѣстныхъ символахъ или знакахъ, служащихъ къ представленію невидимыхъ предметовъ, съ коими сіи символы, по мнѣнію ихъ

изобрѣтателей, имѣли сходство или аналогію. *Глазъ* былъ гіероглифическимъ символомъ *знанія*; а вѣчность, неимѣющая ни начала, ни конца, изображалась въ видѣ *круга*. И такъ гіероглифы составляли родъ живописи, нѣсколько совершеннѣйшей, и которой употребленіе было обширнѣе. Живописныя изображенія (les peintures) представляли видимые предметы, дѣствующіе на чувства; а гіероглифы, посредствомъ аналогіи или сходства, изображали предметы невидимые, невещественные.

У Мексиканцевъ найдены нѣкоторые слѣды гіероглифическихъ начертаній, перемѣшанныхъ съ ихъ историческою живописью; но особенно употреблялось письмо сіе въ Египтѣ, и тамъ доведено до высочайшей степени совершенства. Посредствомъ гіероглифовъ жрецы Египетскіе преподавали свое таинственное, столь славное ученіе. Основываясь на свойствахъ, какія приписывали они животнымъ, и какія предполагали въ

предметахъ естественныхъ, составили они, изъ тѣхъ и изъ другихъ, эмблемы или изображенія предметовъ нравственныхъ, и употребляли ихъ на сей конецъ въ своемъ письмѣ. Такимъ образомъ въ видѣ *аспида* (vipère) изображали они *неблагодарность*; въ видѣ *мухи*, *неблагоразуміе*; въ видѣ *муравья*, *предусмотрительность*; въ видѣ *сокола*, *побѣду*; въ видѣ *журавля*, *послушное дитя*; въ видѣ *угря*, *такого человѣка*, *котораго всѣ бѣгаютъ*; поелику они думали, что эта рыба никогда не бываетъ вмѣстѣ съ рыбою другаго рода. Иногда жъ соединяли они въ одно двѣ или нѣсколько изъ сихъ эмблемъ; на примѣръ, писали *змѣю съ головою сокола*, чтобы изобразить *натуру* и *Бога*, ею управляющаго. Но какъ свойства предметовъ, служившія основаніемъ ихъ гіероглифамъ, были большою частію вообразительныя, а примѣненіе или принаровка ихъ къ предметамъ нравственнымъ сомнительная и принужденная; какъ сверьхъ того сложность начертаній или знаковъ гіероглифическихъ дѣлала ее еще темнѣе,

и выражала натуру или сущность вещей весьма несовершенно: то письмо такое, само по себѣ неудобопонятное, сбивчивое и запутанное, естьли и служило средствомъ къ распространенію какого нибудь знанія, то средствомъ слабымъ и недостаточнымъ.

Нѣкоторые утверждаютъ, что Жрецы Египетскіе выдумали гіероглифы для того, чтобы сохранить исключительно между собою только таинственное свое ученіе, и что по сей причинѣ предпочитали они ихъ алфавитнымъ начертаніямъ или буквамъ: но это явное заблужденіе. Сперва употребляли гіероглифы по нуждѣ, а не по выбору или изъ хитрости. Никогдабъ не имѣли объ нихъ и понятія, естьлибъ буквы были прежде извѣстны. Изобрѣтеніе это такого роду, что ясно показываетъ начальные и грубые опыты, которые уже гораздо позже привели людей къ открытію письма. Это было продолженіе живописи или искусства представлять видимые предметы. Прав-

да, что въ послѣдствіи времени, когда алфавитное или азбучное письмо вошло въ употребленіе въ Египтѣ, а іероглифы оставлены; то жрецы все продолжали употреблять ихъ, какъ нѣкоторой родъ священнаго письма, исключительно имъ принадлежавшаго, и придававшаго видъ таинственности ихъ ученію и богослужительнымъ обрядамъ. Въ сіе-то время Греки начали имѣть сообщеніе съ Египтомъ, и нѣкоторые изъ ихъ Писателей обманулись, предположивъ, что предметъ, въ которомъ исключительно употреблялись іероглифы, былъ причиною, подавшею поводъ къ сему изобрѣтенію.

§. XIV.

Когда іероглифы или символы невидимыхъ предметовъ замѣнили и усовершенствовали до извѣстной степени письмо, состоявшее сперва въ живописныхъ изображеніяхъ вещей видимыхъ: то нѣкоторые народы сдѣлали еще шагъ, и начали употреблять знаки произвольные, неимѣвшіе ни сходства (analogie), ни отноше-

нія съ предметами, коимъ они служили изображеніемъ. Таково было письмо Перувіянцевъ, употреблявшихъ маленькія разноцвѣтныя веревочки. Посредствомъ узловъ, различной величины, и различнымъ образомъ расположенныхъ, они составили наконецъ себѣ знаки для взаимнаго сообщенія своихъ мыслей и для другихъ общежительныхъ надобностей.

Письмо Китайцевъ такого жъ роду. У нихъ нѣтъ ни алфавитныхъ начертаній (буквъ), ни простыхъ звуковъ для составленія ихъ словъ. Каждое начертаніе или фигура представляетъ цѣлую идею: это знакъ, изображающій какую нибудь вещь, какой нибудь предметъ, и число сихъ знаковъ не можетъ не простираться до безконечности; потому что оно должно отвѣтствовать всѣмъ предметамъ и всѣмъ понятіямъ, какія только случается Китайцамъ выражать, то есть, общей суммѣ словъ, употребляемыхъ ими въ языкѣ; даже надобно, чтобы оно превышало

знатною частію число словЪ: ибо почти всякое изЪ нихЪ имѣетЪ различныя значенія, зависящія отЪ тону, какимЪ его выговоришь. Письмо КитайцевЪ, говорятЪ, состоитЪ изЪ *семидесяти тысячъ* такихЪ начертаній или знаковЪ. Чтобы умѣть свободно читать и писать ихЪ, надобно учиться цѣлую жизнь. Это есть сильное препятствіе, полагающее непреодолимую преграду распространенію наукЪ и всѣхЪ вообще знаній.

О началѣ письма Китайскаго много было разсуждаемо, откуда и произошли различныя мнѣнія. Вѣроятнѣе всего то, что письмо это, равно какЪ и Египетское, началось живописью и гіероглифическими знаками. Для большей удобности писать сіи знаки или фигуры, вздумали со временемЪ сокращать ихЪ; и какЪ число ихЪ весьма умножилось, то и произошли потомЪ знаки или начертанія, употребляемыя теперь вЪ Китаѣ, и принятыя многими Восточными народами. Жители Японіи, Тонкина и Кореи, коихЪ языки

не имѣютъ сходства ни между собою, ни съ языкомъ Китайскимъ, во всякомъ случаѣ употребляютъ свои письмена или знаки для взаимнаго между собою сообщенія, и разумѣютъ другъ друга совершенно, хотя языкъ, какимъ говорятъ въ каждой изъ сихъ земель, совсѣмъ неизвѣстенъ другимъ. А изъ сего слѣдуетъ очевидно, что письмена Китайцевъ не зависятъ отъ языка, также какъ и іероглифы, и что они представляютъ не слова, а предметы и вещи.

У насъ въ Европѣ есть подобное письмо. Цыфры или знаки ариѳметическія: 1, 2, 3, заимствованныя нами у Арабовъ, суть знаки такого жъ роду, какъ и Китайскія начертанія. Онѣ не зависятъ отъ словъ; но каждая цыфра показываетъ извѣстный предметъ, то есть, число, которое она представляетъ. Будучи передъ глазами, она равно понятна для всѣхъ народовъ, у коихъ въ употребленіи, какъ на примѣръ, для Рускихъ, Англичанъ, Италіянцевъ и Французовъ, не смотря на различіе ихъ языковъ и назва-

нiй, какiя народы сiи даютъ каждому ариѳметическому знаку на собственномъ своемъ нарѣчiи.

§. XV.

До сихъ поръ мы не видали еще ничего, что бы походило на наши буквы, или чтобы можно было назвать письмомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы его теперь принимаемъ. Изъ различныхъ изслѣдованiй, кои до сихъ поръ занимали попеременно наше вниманiе, видимъ, что всѣ средства, какiя ни выдумываны въ старину для сообщенiя съ отсутствующими, были только знаки, представлявшiе прямо вещи безъ посредства словъ или звуковъ: какъ на примѣръ, живопись Мексиканцевъ; также знаки аналогическiе (les ſignes par analogie), или сходство означающiе, какъ-то iероглифы Египтянъ; и наконецъ знаки условные (les ſignes de convention), каковы были узлы Перувiянцевъ, письмена Китайцевъ и Арабскiя цыфры.

§. XVI.

Наконецъ всѣ народы восчувствовали затруднительность, скуку и сбивчивость, какую причиняли сіи различныя средства, служившія для взаимнаго сообщенія. Начали вообще подозрѣвать, что знаки, кои бы не прямо выражали вещи, а слова, употребляемыя въ рѣчи для означенія ихъ, послужили бы лучшимъ и надежнѣйшимъ къ тому пособіемъ. Размышленіе привело къ открытію, что хотя во всякомъ языкѣ словъ весьма много, но звуковъ образованныхъ (ſons articulès), составляющихъ сіи слова, въ сравненіи, весьма мало. Одни и тѣ же простые звуки встрѣчаются безпрестанно, и слова образуются изъ различнаго ихъ смѣшенія. Такимъ образомъ дошли до изобрѣтенія знаковъ, представляющихъ не цѣлыя слова, но простые звуки, изъ коихъ слова составляются; и примѣтили, что посредствомъ соединенія многихъ изъ сихъ знаковъ въ одно мѣсто, можно выражать на письмѣ всѣ составы,

смѣшенія (combinaisons) звуковъ, какихъ требуютъ наши слова.

§. XVII.

Первый шагъ къ симъ новымъ открытіямъ состоялъ въ изобрѣтеніи *алфавита* (азбуки) *слоговъ*, которое вѣроятно предшествовало изобрѣтенію алфавита буквъ у нѣкоторыхъ древнихъ народовъ. Еѳіопляне и другіе обитатели Индіи употребляютъ, говорятъ, и теперь еще такой алфавитъ, означая каждой слогъ своего языка особымъ начертаніемъ или знакомъ. Число знаковъ, необходимо нужныхъ для письменнаго объясненія, сдѣлалось гораздо меньше, нежели число словъ; но излишество все было чувствительно, и искусство читать и писать все не переставало быть крайне затруднительно. Наконецъ настало щасливое время, когда вѣроятно какой нибудь великой Умъ началъ искать и нашелъ самыя *простыя начала* (élémens) или *нераз-*

дѣльныя части звуковъ человѣческаго голоса. Каждую изъ сихъ частей означилъ онъ особымъ опредѣленнымъ знакомъ — что мы называемъ теперь *буквами* — и научилъ, какъ, посредствомъ различнаго ихъ смѣшенія, можно выражать на письмѣ всѣ слова и всѣ составы (combinaisons) звуковъ, употребляемыхъ въ рѣчи. Искусство писать, доведенное до сей простоты, скоро достигло высочайшей степени своего совершенства; и въ семъ то состояніи видимъ мы его теперь у всѣхъ Европейскихъ народовъ.

§. XVIII.

Не извѣстно, кому обязаны мы симъ разумнымъ и превосходнымъ открытіемъ. Виновникъ его, погруженный во мракѣ древности, лишенъ тѣхъ почестей, какія бы и нынѣ еще воздавали памяти его всѣ любители наукъ и знаній. Книги *Моисеевы*, кажется, даютъ знать, что у Іудеевъ и вѣроятно у Египтянъ изобрѣтеніе буквъ предшествовало времени, въ которое

жилъ сей Писатель. Древніе вообще приписывали его Финикіянину *Кадму*, которой, говорятъ, принесъ буквы въ Грецію. По обыкновенной хронологіи былъ онъ современникъ *Іисуса Наввина*, а по системѣ *Невтоновой*, *Давида*. Хотя Финикіяне, посредствомъ обширной своей торговли, распространяли открытія другихъ народовъ; но какъ нигдѣ не упоминается, чтобъ они сами изобрѣли что нибудь относительное къ наукамъ и искусствамъ: то можно заключить съ большимъ вѣроятіемъ, что алфавитъ или азбука получила начало свое въ Египтѣ, какъ въ такомъ государствѣ, которое первое взошло на степень гражданственнаго совершенства, о которомъ имѣемъ мы достовѣрныя свидѣтельства, и которое почитается древнѣйшею колыбелью наукъ и политики. Усовершенствованное изученіе гіероглифическихъ начертаній долженствовало непремѣнно клонить вниманіе Египтянъ къ искусству письма. Извѣстно, что гіероглифы ихъ были перемѣшаны съ сокращенными симво-

лами и произвольными знаками. Потому-то *Платонъ*, въ *Федрѣ* своемъ, именно приписываетъ изобрѣтеніе буквъ *Теуту* (Theuth) Египтянину, который, по догадкамъ, былъ то же, что *Гермесъ* или *Меркурій* у Грековъ; и хотя Кадмъ прибылъ въ Грецію изъ Финикіи, однакожъ Древніе утверждаютъ заподлинно, что онъ родомъ изъ Ѳивъ въ Египтѣ. Моисей вѣроятно принесъ буквы Египетскія въ Ханаанъ, гдѣ Финикіяне, занимавшіе часть сей земли, присвоили ихъ себѣ и сообщили Грекамъ.

§. XIX.

Несовершенный алфавитъ, принесенный Кадмомъ въ Грецію, состоялъ только, какъ говорятъ, изъ 16 буквъ. Со временемъ прибавляемы были другія, по мѣрѣ того какъ недостатокъ въ знакахъ для извѣстныхъ звуковъ давалъ себя чувствовать. Любопытно замѣтить, что, начиная съ буквъ, нами теперь употребляемыхъ, можно восходить постепенно до самаго ал-

фавита Кадмова. Римской алфавитъ, употребляемый нами и всѣми почти Европейскими народами, сдѣланъ, какъ всякой можетъ видѣть, по образцу Греческаго, исключая нѣкоторыя весьма немногія перемѣны.

Всѣ Ученые согласно думаютъ, что Греческія буквы, а особливо каковы онѣ были въ самыхъ древнихъ надписяхъ, имѣютъ удивительное сходство съ буквами Еврейскими или Самаританскими, а сіи послѣднія суть то же, что и Финикійскія или Кадмовы. Оберни Греческія буквы справа налѣво, сообразно тому, какъ писали Финикіяне, и ты не найдешь почти никакой разницы. Кромѣ сходства въ начертаніи буквъ, самое ихъ названіе: *алфа*, *вита*, *гамма*, и проч., и порядокъ, какимъ онѣ расположены во всѣхъ азбукахъ: въ Финикійской, Еврейской, Греческой и Римской, представляетъ толь великое сходство, что почти не остается нималаго сомнѣнія, что всѣ онѣ первоначально произошли изъ одного источника.

Какъ бы то ни было, только изобрѣтеніе сіе, толь полезное и простое, принято съ жадностію, и въ скоромъ времени распространилось у различныхъ народовъ.

§. XX.

Сперва писали буквы *справа налѣво*, то есть, совсѣмъ противнымъ образомъ, нежели какъ мы теперь пишемъ. Сей способъ писать употребителенъ былъ у Ассиріянъ, Финикіянъ, Арабовъ и Евреевъ, и какъ показываютъ древнѣйшія надписи, онъ былъ въ употребленіи и у самыхъ Грековъ. Потомъ сіи послѣдніе начали писать строки попеременно справа налѣво и слѣва направо. Письмо такое называлось *бустрофедонъ* (boustrophedon), по сходству своему съ бороздами на пашнѣ, вспаханной волами. Многіе образцы такого письма дошли и до насъ, и между прочимъ надпись на славномъ монументѣ *Сигейскомъ*. Сей способъ писать продолжался до самыхъ временъ *Солона*, Законодателя Аѳинскаго. Когдажъ на-

послѣдокъ примѣчено, что движеніе съ лѣвой руки къ правой натуральнѣе и свободнѣе; то и начали писать *такимъ образомъ* всѣ Европейскіе народы.

§. XXI.

Письмо долго составляло родъ нѣкоторой *гравировки*. Сперва употребляли для него каменные столбики и таблицы, а потомъ дощечки изъ металловъ, кои помягче, какъ то, изъ олова и другихъ. По мѣрѣ жъ того, какъ нужда писать распространялась и дѣлалась обыкновеннѣе, употребляли къ тому вещества не столько тяжелыя, и кои удобнѣе было переносить съ мѣста на мѣсто. Въ иныхъ земляхъ писали на листахъ и на корѣ извѣстныхъ растѣній, въ другихъ на деревянныхъ таблицахъ, наведенныхъ мягкимъ воскомъ; и въ семъ послѣднемъ случаѣ употребляли желѣзный прутикъ, называвшійся у Римлянъ *стилемъ*. Въ послѣднія времена кожи животныхъ, выработанныя и передѣланныя въ гладкой паргаминъ,

служили самыми обыкновенными для письма веществами. Что касается до нашей *бумаги*, то она изобрѣтена только въ четырнадцатомъ вѣкѣ.

§. XXII.

Вотъ мои замѣчанія о происхожденіи двухъ великихъ искусствъ, то есть, искусства *говорить* и искусства *писать*, которыя можно почесть единственными средствами, служащими людямъ для сообщенія ихъ мыслей, и единственнымъ основаніемъ всѣхъ ихъ наукъ и знаній. Разсужденіе сіе кончу я краткимъ сравненіемъ языка словеснаго съ языкомъ письменнымъ; и мы найдемъ выгоды и недостатки какъ съ той такъ и съ другой стороны.

§. XXIII.

Письмо передъ словеснымъ изъясненіемъ имѣетъ то преимущество, что оно доставляетъ способъ сообщенія, коего дѣйствіе обширнѣе и про-

должительнѣе. *Обширнѣе*: потому что письмо не ограничено тѣснымъ кругомъ тѣхъ только, кои насъ слушаютъ. Помощію его мы распространяемъ мысли свои по всему міру. Голосъ нашъ слышанъ отъ одного края земли до другаго. *Продолжительнѣе*: потому что письмо повторяетъ голосъ нашъ потомству, и сообщаетъ наши чувства, наши понятія, наши свѣдѣнія и будущимъ временамъ. Оно дѣлаетъ незабвенною память минувшихъ примѣчательныхъ происшествій, и сохраняетъ наставительные примѣры добродѣтелей и пороковъ. Кто читаетъ передъ тѣмъ, кто слушаетъ, имѣетъ еще и ту выгоду, что онъ можетъ вникать въ смыслъ Автора, коего сочиненіе у него въ рукахъ; можетъ останавливаться, размышлять и сравнивать, сколько ему угодно, разныя мѣста одного и того же сочиненія, и тѣмъ съ большею точностію замѣчать красоты его, недостатки, и проч. Голосъ же преходящь и скороисчезающь. Надобно ловить слова произносимой рѣчи,

по мѣрѣ того какъ Ораторъ ихъ выговариваетъ; —— или смыслъ потерянъ невозвратно.

Но хотя письменный языкъ имѣетъ толь великія преимущества передъ словеснымъ, что сей послѣдній безъ помощи перваго былъ бы самымъ недостаточнымъ средствомъ къ наученію людей и къ распространенію между ними знаній: однакъ и то правда, что произносимая рѣчь весьма превосходитъ письменную со стороны силы и выразительности. Голосъ Оратора производитъ гораздо живѣйшее дѣйствіе на душу, нежели чтеніе книги, какова бы она впрочемъ ни была. Измѣненія звуковъ, взоръ, движеніе суть сильныя вспомогательныя средства, коихъ письмо не имѣетъ. Естьли умѣючи употребить ихъ; то они сдѣлаютъ рѣчь яснѣе, нежели книга, и самымъ лучшимъ образомъ выработанная. Тонъ, движеніе, и взоры суть натуральные истолкователи мысли; они придаютъ ей болѣе огня, силы и опредѣленности, укоре-

няютъ глубже впечатлѣнія и дѣйствуютъ на насъ посредствомъ *симпатіи*, сего могущественнѣйшаго орудія къ убѣжденію. По тайнымъ законамъ сей симпатіи мы всегда сильнѣе тротаемся, слушая Оратора, нежели читая его сочиненіе. И такъ заключимъ, что естьли письменный языкъ *способнѣе къ наученію*, то словесный гораздо *благопріятнѣе* сильнымъ дѣйствіемъ *Краснорѣчія*.

КОНЕЦЪ.

